

ЗЕМЛЯ 3000

ЗЕМЛЯ 3000

АЛЕКСАНДР ШАКИЛОВ

ПУСТЬ УМРУТ НАШИ ВРАГИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш17

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Земля-3000» основана в 2015 году

Художник — *Александр Руденко*

Дизайн и оформление обложки — *Василий Половцев*

Шакилов, Александр.

Ш17 Пусть умрут наши враги : [фантастический роман] / Александр Шакилов. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 352 с. — (Земля-3000).

ISBN 978-5-17-092511-7

Ядерная бойня обрекла планету на вымирание, но небеса даровали нам спасителей, которые очистили воздух и воду, высадили леса и населили их животными. Женщины рожали от чужаков здоровых детей. А когда спасители ушли, между их отпрысками и чистокровными разразилась война, которая длится поныне, то затухая, то вспыхивая вновь...

Зил — леший. Он живет вдали от взорванных городов и мечтает сражаться с полукровками, потомками спасителей. Однако ему предстоит распутать клубок интриг, чтобы изменить то, для чего он рожден, и не позволить друзьям превратиться в бездушные машины смерти. Только от него, обычного парня с необычным даром, зависит существование жизни на Земле и далеко за ее пределами.

А раз так, он бросит вызов тем, кто походя решает судьбы миров.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-092511-7

© Шакилов А., 2015
© ООО «Издательство АСТ»

ГЛАВА 1

ХОЛОД И ТЬМА

Куда ни глянь, все мертвое. Настил из досок — дохлый. Скамейки жестоко убиты рубанком. Трибуны, сколоченные живодером-плотником, разлагаются который день. Ну зачем было истязать их гвоздями?!

Зил представил, как в древесную плоть впивается сталь, рвет, ломает... Передернуло, кислый ком подступил к горлу.

Ах, как хотелось зажать ноздри пальцами, покрытыми вязью татуировок!..

Ну не мог Зил, потомственный леший, вдыхать этот смрад, не мог!

Не сбавляя шага, он закрыл глаза. Ему здесь не нравилось. Одежда настойчиво щекотала кожу — ей тоже здесь не нравилось.

— Смотри, куда прешь! — в лицо дохнули чесночной вонью, более приятной, чем городские запахи, щедро наполнившие собой промозглый воздух. Молодой леший уткнулся в спину рыжеволосого здоровяка, топающего в колонне чуть впереди, и того возмутило столь панибратское отношение к его пояснице и лопаткам.

Ерунда, пусть ругается. А вот выпади Зил из строя, пришлось бы несладко.

Подтверждая его догадку, хриплым лаем зашлась волчарка — здоровенная тварь, в холке по грудь Зилу, а ведь он не карлик какой, почти две мерные палки ростом. Когти у волчарки с указательный палец, клыки в вечно ошеренной пасти — с мизинец. Короткая, но

плотная шерсть в мороз защищает зверюгу от холода, а в жару — от зноя. На большой голове хватает места маленьким закругленным ушам и умным глазам, изучающим жертву с неподдельным интересом: мол, какого цвета у жертвы кишки, а?!

Зил — произвольно! — отшатнулся.

И поймал насмешливый взгляд княжьего ратника, едва удерживавшего псину на поводке из кожаных шнуров. Не насмешка даже, а презрение было в том взгляде, который скользнул по лешему и чуть задержался на его ушах, будто было в них что-то особенное. Взгляд ратника, затянутого в латы из железного дерева, будто говорил: «Слабак ты, парень. Червь, а не соискатель!» На плоском невыразительном лице его явственно выделялась здоровенная бородавка — будто прилип ком серой слизи под глазом.

Поддавшись злomu, смертельно опасному порыву, Зил закатил рукава, как делал это перед трудной работой, и, выскользнув из строя, протянул ладонь к волчарке:

— У-у, какая! Дай за ушком почесу!

Лютая тварь, вопреки присущей ей взрывной свирепости, обомлела от такой наглости. Потому-то Зил и успел коснуться ее загривка, прежде чем она пришла в себя и атаковала. Однако парень не просто так прибыл на Праздник, отец не зря сказал ему: «Зачем испытывать себя? Ты же знаешь, что готов».

Стремительно — легко! — он отскочил от волчарки. Ее клыки клацнули, укусив лишь воздух. А ведь могла оторвать ему руку, а потом сожрать!..

В животе у Зила забурчало. А вот зверюга выглядела ничуть не голодной: на боках вон какие складки жира. С таким-то запасом можно неделю одним воздухом питаться.

Волчарка зашлась лаем.

— И как зовут собачку? — в отместку за презрительный взгляд спросил леший у ратника. Тот как раз потянулся за кнутом, чтобы загнать в строй блудного соискателя, то есть Зила. — Чего молчишь, служивый? Язык проглотил?

Лицо княжьего воина мгновенно налилось кровью, серой осталась только бородавка. Он замычал, указывая Зилу, куда пройти, — и Зил тут же воспользовался советом, угодить под кнут ему не хотелось. А мычал ратник потому, что все ратники немые — языки

у них отрезаны. Бойцы должны безмолвно подчиняться владыке, их мнение никого не интересует. Да и не выдаст немой военную тайну, не расскажет врагу секрет.

А врагов у города Моса и князя его Мора хватает.

У людей вообще много врагов...

В полдень, после утреннего лета, опять началась зима.

Небо затянула серая хмарь, из которой сыпанул мелкий снег. Тонким саваном ложился на Мос, город-кладбище, город-крепость, и тут же таял, превращаясь в стылые лужи. Древние руины, оплетенные плющом, и новостройки, окруженные высокой стеной, покрылись прозрачной пленкой. Арену погода тоже не щадила, погоде плевать было на грядущий Праздник.

Вернувшись в строй соискателей, торжественно топающих вдоль трибун, Зил, как подобает парню его лет, смиренно опустил голову, но все же заметил: бородавчатый ратник жестами сообщил что-то лысому, как колено, командиру, стоявшему дальше по проходу. В ответ бородавчатый получил серию взмахов рукой, пальцы которой при этом причудливо сплетались. Смысл бесед ратников скрыт от прочих, поэтому Зил ничего не понял, и все же ему не понравилось, как лысый посмотрел на него. Небось бородавчатый пожаловался.

Мос — город хоть и большой, но тихий. Жизнь в нем неспешна, и чужаков тут не привечают. Местные ценят спокойствие и размеренность. Однако сегодня в городе царила предпраздничная суета.

Лязгая ржавым металлом, мимо пронесли древние инструменты, извлеченные из княжеских хранилищ по случаю грядущего торжества. Торговцы, с головы до ног обвешанные промасленными сумками, истошно орали, расхваливая еду и напитки. Один такой — руки что соломинки, а живот выпирает — подбежал было к Зилу, сунул ему под нос отвратительно пахнущий кусок мяса на бамбуковой щепке, да тут же и отвалил, увидев, как парень брезгливо поморщился и отвернулся.

— Мне давай! — здоровяк отобрал у торговца товар и в одно движение затолкал в рот, измазав толстые губы жиром.

От этого мерзкого зрелища лешего отвлек кукольник, лысый череп которого был покрыт пигментными пятнами и редким седым пушком.

— Нравится? — прихрамывая, кукольник подошел к колонне.

От пальцев его, сплошь зеленых от татуировок, тянулись нити, привязанные к игрушкам, — мертвым деревяшкам, украшенным мертвым мочалом. Кукольник шевелил пальцами, и деревянные судорожно дергались в ответ.

— Купи, — предложил он. — Всего пару монет. Девушке своей подаришь.

— У меня нет девушки, — Зил не взял бы игрушку и даром.

Лицо кукольника стало злым. Дернув деревяшками, он сцедил сквозь гнилые зубы:

— Так и ты, леший. Так и тобой управлять будут!

Конечно, Зил тотчас забыл о пророчестве старого дурака.

А вот и напрасно...

Наконец колонна добралась до загородки, предназначенной для соискателей. Тут уж леший постарался никого не толкнуть, не обидеть отказом и вообще вел себя прилежно и скромно. Ему пришлось сесть на мертвую лавку, чтобы не выделяться среди прочих парней и девушек, — разных, не похожих друг на друга ни манерами, ни одеждой, но с одной и той же целью собравшихся здесь со всех Разведанных Территорий.

Лавка жалобно скрипнула — на нее опустился тот самый рыжий увалень, которого Зил не нарочно толкнул и который не брезговал плотью животных. Увалень снял с плеча сплетенную из прочных трав сумку, в которой можно было уместить пару мешков картошки. Он уже забыл о столкновении с Зилом — его щекастое лицо растягивала добродушная улыбка.

— Я рядом, брат, — поприветствовал он лешего.

— Мы вместе, — кивнул Зил.

— Меня Тростом кличут, — рыжий протянул ладонь-лопату.

— А меня... — начал было Зил, но не закончил, потому что Трост уже всю знакомился с соседями, братьями-близнецами. Судя по цветастым нарядам, те прибыли с юга. Одному брату здоровяк сжал лапищей руку так, что у бедолаги лицо побагровело, а второго хлопком по плечу едва не сшиб с лавки.

— После Праздника, когда пройду испытание, — все еще сжимающая руку южанина, заявил рыжий, — я отправлюсь к Роду. Это колдун такой. Он все-все знает. Я спрошу у него, как жить дальше,

чем заняться: вернуться домой и пасти свиней или же наняться в легион?

Зил едва не фыркнул: этот напыщенный болван настолько глуп, что считает, будто его с распростертыми объятьями примут в легионеры!

Точно тетерев на току, Траст продолжал услаждать слух окружающих своими планами на будущее:

— Или попроситься в услужение к князю? Буду в замке — как сыр в масле! Столько возможностей! Сам я вот никак не могу выбрать. А Род все обо всех знает, всеми судьбами ведает... И вообще, друзья, скажу вам по секрету: я — ментал, у меня есть дар!

— Это какой же у тебя дар? — не выдержав, прищурился Зил и с головы до ног окинул здоровяка оценивающим взглядом. — Умеешь коз доить?

— Я знаю: дар у меня есть, я чувствую, — Траст приложил лапищу к груди, показывая, чем именно он чувствует. — И дар мой особенный, редкий. Только пока не знаю, какой.

Надо же — дар у него! Поразительная самоуверенность. Прочитать бы рыжего за это... Зил заметил на груди Траста кулон из высушенного желудя, внутри которого сидела блоха. Северяне так развлекаются: ловят насекомое, обитающее на теле избранницы, и суют в такой вот сосуд с множеством мелких отверстий, через которые блоха кусает нового хозяина до крови и тем живет.

— Это у тебя там клоп? — Зил притворился, что не знает о странной традиции. — Или муравей?

Трасту польстило внимание лешего. Оставив в покое слегка помятых близнецов, он гордо надулся и задрал подбородок, из которого произрастали редкие рыжие волосины:

— Блоху, что в кулоне, я словил на груди моей прекрасной возлюбленной, с которой я повенчан еще до рождения. После ночи страсти взял добычу. А у тебя, братец ушастый, ничего такого нет? Ты небось и не целовался никогда, верно? — круглое лицо Траста расплылось в ухмылке, отчего веснушки на нем слились в одно сплошное пятно.

Потирая ушибленное и отдавленное, близнецы прекратили стонать и замерли, ожидая ответа молодого лешего.

И Зил, само собой, не мог их разочаровать.

Ведь рыжий напрасно помянул его уши.

— Да уж куда мне, — леший смиренно склонил голову, поросшую короткими русыми волосами, сбритыми на висках и затылке. — Это же такая честь — быть женихом той, которая еще не родилась... И раз на твоей возлюбленной живут кусачие насекомые, то никакая она не красавица, а такое же грязное чудище, как ты!

Быть может, он перестарался, подшучивая над Трастом, но уж больно неряшливо тот выглядел и корчил из себя непонятно кого. Без шуток, здоровяк крайне невнимательно следил за своей одеждой: на штанах его тут и там виднелись пожухлые и вовсе отмершие латки, а куртка вообще выглядела так, будто ее не кормили пару недель.

Траст сжал кулаки-арбузы:

— Да я тебя!..

На трибунах вдруг стало тихо-тихо.

Рвавшиеся с поводков волчарки разом поумерили пыл и заткнули пасти, а ратники прикипели взглядами к центральному выходу на Арену.

Зил почувствовал, как напряглись соискатели вокруг, а Траст вмиг позабыл, что собрался проучить острого на язык соседа. У всех будто сперло дыхание. Трибуны источали волны страха и ненависти, ведь на Арену, ту ее часть, что присыпана толстым слоем песка с опилками, ратники вывели связанную лианами, хорошенько избитую, но все еще непокорную тварь.

Тяжело задышав, Зил подался вперед.

Да это ж полукровка, чтоб его! На Арену вывели тайгера!

Судя по седым проплешинам на большой голове, тайгер достиг уже того возраста, когда следует нянчить внуков, давно позабыв о вылазках в земли чистокровных. Все его тело, несмотря на почтенные годы бугристое от мышц, покрывал густой мех — полосатый, рыже-черный. В такой шубе даже лютая зима не страшна, потому-то всей одежды на тайгере была одна набедренная повязка по колени с множеством карманов... Разглядывая пленного, Зил зябко повел плечами.

Тем, кто взял полукровку живым, пришлось изрядно попотеть, ведь тайгеры — превосходные рукопашники: в схватке они одинаково ловко орудуют всеми четырьмя конечностями и не брезгают использовать клыки и хвост, на конце которого есть короткий проч-

ный шип, к тому же ядовитый. Попав в безвыходное положение, этим шипом полосатые полукровки протыкают себе сонную артерию. Так что в плен котята — так называют тайгеров старые воины — попадают крайне редко.

На груди у тайгера среди меха что-то блеснуло, заставив Зила чуть зажмуриться.

Вслед за полукровкой на Арену внесли два сбитых накрест бруса. Ратники пристроили тайгера к брусам и колючей лианой примотали его верхние лапы к горизонтальной перекладине, а нижние — к вертикальной. Полосатый мех, и так схваченный коростой свернувшейся крови, тут же обогрился. «Надо же, — злорадно подумал леший, — у полукровок кровь такого же цвета, как у людей». Рыжий здоровяк рядом довольно ослабил и разве что в ладоши не захопал.

Крест подняли и закрепили с помощью растяжек и крючьев, вбитых в насыпь Арены.

При виде тайгера, извивавшегося от боли, трибуны разразились радостными криками. И на этот раз Зил не притворялся, стараясь быть как все, а был таковым по велению сердца. Он искренне ненавидел распятую тварь. Он желал ей лютой смерти после долгих мук.

Полукровка замер. Тяжелый взгляд его немигающих кошачьих глаз уперся в трибуны. У многих сразу в горле запершило. Иначе с чего бы крики разом поухли, и люди потянулись за бурдюками и тыквенными флягами, чтобы промочить глотки брагой и вином?..

В наступившей тишине пронзительно взвыли дудки, и залязгал металл древних инструментов, возвещая о прибытии князя в окружении личной охраны. Как и все, Зил почтительно склонил голову. Иначе не только кнутом вдоль хребта получил бы, но и лишился головы. Терпеливо дождавшись, пока прекратится какофония, которую в Мосе считают торжественной музыкой, леший взглянул на молодого князя, проследовавшего в свою ложу. Та располагалась как раз напротив загона для соискателей.

Князь Мор — высокий, худощавый и светловолосый — носил одежду, сшитую из выделанных шкур животных. При виде этой одежды, выкрашенной в черный цвет, Зилу вновь стало нехорошо. Он ни за что в такую дрянь не вырядился бы! Но тут, в городе,

другие порядки, и эта... как ее?... мода. Модно в Мосе всякую мерзость на себя напяливать!

Лешего вновь всего передернуло, ведь княжеская ложа была обтянута шкурами и отделана резной костью, а креслом Мору служил усталанный меховыми одеялами хитиновый панцирь птера.

Вслед за князем в ложу вошел и встал рядом с креслом плечистый командир личной охраны князя, он же командир всех немых ратников, единственный из них не лишенный дара речи. За ним проследовали приближенные Мора: парочка юных фавориток, — князю что, десятка женушек мало? — бородатые толстяки-бояре, их надутые сыночки и мамыши... С удивлением леший заметил среди элиты Моса парочку весьма низкого сословия: ментала, забившегося в угол ложи, и следопыта, который держался особняком.

Ментал, несомненно, был говорцом. Он ведь альбинос, а все альбиносы становятся говорцами, если доживают до двенадцати лет. Последнее, впрочем, случается крайне редко, поэтому говорцов вельможи очень ценят.

Следопыта тоже ни с кем не спутаешь. И вовсе не из-за широкополой шляпы и грязного, но крепкого плаща с неровно обрезанным по локоть правым рукавом. Его повадки, жесты и манера держаться выдавали в нем прирожденного убийцу без страха и совести. Торчавшее из-за спины топориче боевой секиры аж блестело — так его отполировали ладони хозяина. К предплечью, не покрытому рукавом, прирос фэйер, в любой момент готовый выплунуть сгусток пламени.

Фэйер? Ну ничего себе! Зил о таком оружии только слышал. Батя Лих говорил, что от тех немногих людей, у кого есть фэйер, надо бежать со всех ног. Зил поспешно отвел взгляд от следопыта, пока тот не почувствовал, что за ним наблюдают. Да и князя хотелось рассмотреть внимательней, чтобы потом в подробностях описать маме и сестре. Когда еще придется увидеть столь именитого человека?..

В точности как говорили о нем, Мор прятал глаза от подданных с помощью древней штуковины, название которой — «солнцеочки». Даже до хуторов, удаленных от торговых путей, дошел слух, что зрачки у молодого князя такие же черные, как линзы его солн-

цеочков. И волосы свои он обесцвечивает особой ворожкой, хотя на самом деле они цвета воронова крыла. Правду-то от людей не скроешь. Да и кожу никакими штучками приглашенных в Мос научных и механиков добела не отмоешь. Она, кожа то есть, у князя такая, будто он долго — очень долго! — пробыл под солнцем, и с тех пор загар с него никогда не сходит.

А ведь все чистокровные Разведанных Территорий — голубоглазые и сероглазые, и лишь иногда глаза у них бывают цвета первых трав. И все — светловолосые, русые или рыжие. Это потому, что в Третьей мировой применялись боевые вирусы, убившие тех, у кого кожа, волосы и глаза темные. Об этом как-то обмолвилась мать. Зил тогда полез к ней с расспросами, — что такое «боевые вирусы»? и почему так важен цвет кожи? — но мама осадил его, не захотела рассказывать...

— Слышь, братец, — едва слышно прошептал увальень Траст, — мы еще не закончили!..

Очнулся рыжий вместе со всеми своими веснушками, вспомнил о нанесенном оскорблении, поквитаться ему захотелось. А не проблема. Зил кивнул ему. Мол, как только, так сразу решим разногласия:

— После испытания я буду рядом.

— Мы будем вместе, — толстые губы Траста сжались, превратив рот в узкую щель, в которую не протиснулась бы и блоха, пойманная на теле суженой.

Но его гримасы меньше всего занимали лешего. А вот лысый и бородавчатый ратники беспокоили тем, что то и дело поглядывали на Зила. Ласково так поглядывали, по-доброму, чуть ли не улыбаясь от уха до уха. Ну да ничего удивительного, Зил ведь легко сходится с людьми, а уж заводить друзей умеет как никто другой.

Куснув губу, он вновь посмотрел на князя.

Года еще не прошло, как внезапно скончался прежний владыка Моса.

В народе поговаривали, что сынок его, Мор, как никто другой умеет обращаться с ядами, что только тем и занимался с детства, что всякие научные опыты проводил в подвалах замка, днями и ночами там пропадал. А еще шептали тихонечко на ушко, — сосед соседу, тесть свекру, сноха золовке — что Мор люто ненавидит все,

что имеет отношение к Спасению. Потому-то Арену окружают новые трибуны, сбитые из мертвых досок, а не живые, как раньше.

— Ты гляди, какая умора! Ну просто!.. — рядом захихикали.

Это близнецы развеселились. Подмигивая брат брату и скаля белые, но невероятно кривые зубы, они грязными пальцами — ногти-то давно пора остричь — указывали на очень даже симпатичную девчонку.

Природную бледность ее правильного лица подчеркивали яркие глаза редкого фиалкового цвета и густые смоляные ресницы. Левую щеку красотики пересекали три оранжевые полосы. Это что ж за племя так метит своих детей? Длинные светлые волосы девушка заплела во множество косичек и уложила их большим пучком на затылке.

Да что там говорить, девочка — загляденье!

Но красота ее была не той, что призвана завлекать женихов для зачатия детишек в мягкой постели. Зил заметил, что татуировки на тонких пальцах девчонки соседствовали со шрамами. Видно же, что она не привыкла подчиняться и принимать ухаживания. Да и одежда у блондинки была хоть и опрятная, но... мужская.

Ох и намучается с ней будущий супруг!

— Ха-ха-ха, — тихонько, чтобы не привлечь внимание ратников, забавлялись близнецы.

Куртка блондинки была из молодых зеленых побегов, сщепившихся с более плотной порослью брюк. А вот чего Зил совсем не заметил, так это девичьих штучек-украшений, вроде припорошенных пылью шишек, ярких ягод и букетиков орхидей. Ее нарядом даже леший не побрезговал бы. Да и вообще все было ладно у девчонки. Только чего это она замерла в напряженной позе? Спина прямая, будто от ягодиц до макушки пророс через тело побег бамбука, не дает согнуться. Наверняка это показалось близнецам смешным. Не моргая, блондинка смотрела...

Проследив за ее взглядом, Зил скривился. Оказалось, она с молодого князя своих фиалковых глаз не сводила. Жаль, девчонка — всего лишь очередная дурочка, мечтающая о ласках богатеньких вельмож. И в Мос она явилась, чтобы покрасоваться перед Мором, показать товар лицом...

Отвернувшись от красотки, леший провел ладонью по большому родимому пятну на левом предплечье. Оно было похоже на хищную птицу, расправившую крылья.

Не за тем Зил выбрался в город, чтобы на девчонок пялиться.

Ему домой быстрее вернуться надо, пока родные волноваться не начали. Батя Лих хоть и говорил, что Зил готов к любым испытаниям Праздника, однако же строго-настрого запретил покидать хутор без особого его на то дозволения. И уж точно он не отпустил бы Зила в Мос.

Начался бы уже Праздник, что ли?..

Князь Мор вскинул перед собой руку — кисть его обтягивала перчатка из черной кожи — и тут же пронзительней прежнего взвыли дудки, ослепительней заблестел металл древних инструментов.

С трудом перекрикивая «музыку», глашатай заорал дурным голосом:

— ПРАЗДНИК!!! НАЧИНАЕТСЯ!!!

И завертелось.

Первыми выступили лучшие жены князя. Под оглушительное хлопанье и убыстряющийся рокот барабанов они извивались, как змеи, ничуть не целомудренно показывая подданным мужа свои прелести, однако не обнажая их до конца и тем сильнее распалая мужчин. Трибуны выли от восторга. Здоровяк Траст аж вспотел от вожделения.

Зил украдкой взглянул на блондинку — она все так же пялилась на князя. И Мор смотрел вовсе не на жен-искусительниц, а на нее, молоденькую сонскательницу. Трудно определить направление взгляда, если глаза скрыты за черными линзами, но леший был твердо уверен, что не ошибся.

Далее выступала четверка лучших ратников Моса, и лешему стало не до блондинки с князем. Первая пара метала друг в друга дротики из кедровицы, ловко их перехватывая в воздухе и резким неуловимым движением посылая в обратный полет. А ведь шипы на концах дротиков отравленные. Просто коснись шипом кожи — и смерть в корчах за считанные мгновения гарантирована!.. Вторая пара с остервенением рубилась алебардами, чудом не отсекая один другому конечности и головы.

— Хватит! — князь оборвал выступление лучших из лучших.